

Чехов М. Об А.П. Чехове (Воспоминания) // Новое слово: товарищеские сборники. М., 1907. №1. С. 197–206.

Объ А. П. Чеховъ.

Воспоминанія.

Одинъ изъ біографовъ Антона Павловича сообщаетъ, что въ гимназическомъ возрастѣ Ант. П. былъ „вялымъ увальнемъ“. Въ опроверженіе позволяю себѣ привести здѣсь письмо, написанное ко мнѣ братомъ, когда онъ былъ еще въ шестомъ классѣ гимназіи, а я во второмъ.

„Письмо твое я получилъ какъ разъ въ самый разгаръ ужаснѣйшей скуки, зѣвая у воротъ, а потому ты можешь судить, какъ оно, длиннѣйшее, пришлось весьма кстати. Почеркъ у тебя хорошъ, и во всемъ письмѣ я не нашелъ у тебя ни единой грамматической ошибки. Не нравится мнѣ только одно: зачѣмъ ты величаешь свою особу „незамѣтнымъ братишкой“? Ничтожество свое сознаешь? Не всѣмъ, братъ, Мишамъ, надо быть одинаковыми. Ничтожество свое признавай, знаешь гдѣ? Предъ Богомъ, пожалуй, предъ умомъ, красотой, природой, но не передъ людьми. Среди людей нужно сознавать свое достоинство. Въдъ ты не мошенникъ, честный человѣкъ? Ну, и уважай въ себѣ честнаго малаго и знай, что честный малый не ничтожность. Не смѣшивай „смиряться“ и „сознавать свое ничтожество“. Георгій выросъ. Мальчикъ онъ добрый, я съ нимъ часто играю въ бабки. Хорошо дѣлаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временемъ ты эту привычку оцѣнишь. Мадамъ Бичеръ-Стоу выжала изъ глазъ твоихъ слезы? Я ее когда-то читалъ, прочелъ и полгода тому назадъ съ научной цѣлью и почувствовалъ послѣ чтенія непріятное ощущеніе, которое чувствуютъ смертные, наѣвшись не въ мѣру изюму и коринки. Прочти ты слѣдующія книги: Донъ-Кихотъ (полный въ 7 или 8 частей). Хорошая вещь. Сочиненіе Сервантеса, котораго ставить чуть ли не на одну доску съ Шекспиромъ. Совѣтую братьямъ прочесть „Донъ-Кихотъ и Гамлетъ“ Тургенева. Ты, брате, не поймешь. Если желаешь прочесть не скучное путешествіе, прочти „Фрегатъ Паллада“ Гончарова. Наши учителя берутъ съ пансіонеровъ по 350 р., а кормятъ бѣдныхъ мальчишекъ, какъ собакъ, юшкой отъ жаркого. А. Чеховъ“.

Думается, что „увалень“ никогда бы не написалъ такого письма, а тѣмъ менѣе „вляйль“. Гимназистомъ шестого класса, Антонъ Павловичъ много читаетъ, играетъ въ бабки, возмущается учителями, которые кормятъ своихъ пансіонеровъ, какъ собакъ, и чисто по-чеховски остритъ надъ Бичеръ-Стоу. Въ этомъ же классѣ онъ издаетъ юмористическій журналъ „Заика“, который высылаетъ старшему брату въ Петербургъ. Выписываетъ самъ „Сынъ Отечества“. Развѣ „вляйль увалень“ способенъ на это? Отдѣльные номера „Заики“ уцѣлѣли до сихъ поръ. Ученикомъ 7-го и 8-го классовъ Ант. П. очень любилъ ухаживать за гимназистками и, сколько знаю изъ его уроковъ мнѣ, когда я тоже былъ гимназистомъ 7-го класса, романы его были жизнерадостны. Въ дѣтствѣ онъ очень любилъ театръ и изъ всѣхъ пьесъ, которыя ему пришлось тогда видѣть, больше всего онъ разсказывалъ мнѣ о „Маменькиномъ сынкѣ“, „Ограбленной почтѣ“ и „Гамлетѣ“. Когда мы еще жили въ Таганрогѣ всей семьей, у насъ часто происходили домашніе спектакли, въ которыхъ Антоша-гимназистъ былъ главнымъ воротилой. Помню, мы разыграли даже „Ревизора“, въ которомъ городничаго игралъ Ант. Павл. Играли и на малороссійскомъ языкѣ про какого-то Чупруна и Чупрунику, гдѣ роль Чупруна исполнялъ все тотъ-же „увалень“ Антоша. Но самою любимою для Ант. Павл., кажется, была тогда имъ самимъ придуманная сцена про градоначальника. Въ гимназическомъ мундирчикѣ съ старинной дѣдушкиной пашкой черезъ плечо онъ представлялъ, какъ градоначальникъ стоитъ въ табельный день въ соборѣ и какъ затѣмъ, по окончаніи обѣдни, производитъ смотръ казакамъ. Эту сцену все съ новыми вариантами онъ показывалъ часто и очень охотно.

Окончивъ-же курсъ гимназии, Ант. Павл. пріѣхалъ къ намъ въ Москву умѣвшимъ мѣтко стрѣлять изъ ружья и отлично ѣздить на лошади. Научился онъ этому въ степи на хуторѣ Кравцова и въ имѣніи Ивана Парфентьевича, къ которымъ ѣздилъ изъ Таганрога три лѣта подъ рядъ. Но объ его сежурахъ тамъ я, къ сожалѣнію, очень мало знаю.

На наше счастье намъ попалась превосходная няня Агаея Александровна Кумская, умѣвшая удивительно разсказывать. Мастерница была разсказывать и наша мать. Няня все больше повѣствовала о таинственномъ, страшномъ, необыкновенномъ, а мать—о быломъ, какъ она дѣвочкой ѣхала на тарантасѣ черезъ всю Россію изъ Владимірской губ. въ Таганрогъ, какъ насъ бомбардировали въ Севастопольскую войну французы и англичане и какъ скверно жилось крестьянамъ во время крѣпостного права. Читая произведенія брата, я то и дѣло нахожу въ нихъ черточки этихъ двухъ вліяній. А поэтическое „Счастье“ написано имъ безусловно подъ впечатлѣніемъ разсказовъ няни.

Будучи ученикомъ VII класса, Ант. Павл. написалъ большую драму „Безотцовщина“ и ужасно смѣшной водевилъ „Не даромъ курица пѣла“ и прислалъ ихъ намъ въ Москву для прочтенія.

Я долго берегъ эти произведенія, но, пріѣхавъ затѣмъ въ Москву поступать въ университетъ, Ант. П. отобралъ ихъ отъ меня и „Безотцовщину“ разорвалъ на мелкіе кусочки, а водевилъ спрятавъ. Куда дѣвался водевилъ,—не знаю. Во второй же годъ по пріѣздѣ въ Москву Ант. Павл. написалъ еще одну большую драму съ конокрадами, стрѣльбой, женщиной, бросающейся подъ поѣздъ и т. п. Я переписывалъ эту драму и у меня отъ волненія холодѣло подъ сердцемъ. Какъ теперь понимаю, это было что-то очень громоздкое, но тогда казавшееся мнѣ, гимназисту, верхомъ совершенства. Драму эту Ант. П., тогда студентъ второго курса, лично отнесъ къ М. Н. Ермоловой на прочтеніе и очень желалъ, чтобы она поставила ее въ свой бенефисъ. Не знаю, что отвѣтила брату г-жа Ермолова, только мои старанія четко переписать драму такъ и пропали даромъ: пьеса вернулась обратно и была разорвана авторомъ на мелкіе куски. Отъ нея уцѣлѣла только одна фамилія „Войницкій“, которая воскресла потомъ въ „Дядѣ Ванѣ“. Изъ другихъ пьесъ знаю очень трогательную пьесу „Баринъ“, запрещенную цензурой, и нѣсколько нескромный водевилъ „Бритый секретарь съ пистолетомъ“, о судьбѣ котораго не знаю ничего. Въ этомъ водевилѣ выведена была редакция журнала съ двухспальной кроватью. Одинъ изъ сотрудниковъ принесъ для напечатанія бездарное стихотвореніе. И вотъ Ант. П. долженъ былъ специально сочинять именно бездарное стихотвореніе, въ которомъ четыре раза должно было повториться слово „стремглавъ“. Вотъ это стихотвореніе.

Прости меня, мой ангель бѣлоснѣжный,
Подруга дней моихъ и идеалъ мой нѣжный,
Что я, забывъ любовь, *стремглавъ* туда бросаюсь,
Гдѣ смерти пасть... О, ужасаюсь!
Въ могильный склепъ съ груди горячей
Убитый, раненый, лежачій
Стремглавъ я падаю... Не плачь, прости..
Всѣ птицы будутъ пѣть и розы цвѣсти
Надъ свѣже-вырытой могилой, куда меня злой рокъ опуститъ.
Тогда поймешь, какъ я страдалъ,
Какъ я любилъ свой идеалъ.
Надъ ней *стремглавъ* взойдетъ моя идея
Во образѣ цвѣтовъ, ландышей, розъ пріятныхъ..
Тогда по повелѣнію таинствъ непонятныхъ
Изъ гроба буду я *стремглавъ* вставать ночами
И, отравясь цвѣтовъ благоуханьемъ,
Какъ чудной дѣвочки лобзаньемъ,
Уйду обратно въ гробъ съ прослезненными глазами..

„Послѣдняя строчка нѣсколько тяжеловата, говоритъ редактору герой водевила, но вѣдь главное—умѣть прочесть!“

Кромѣ того, уже будучи извѣстнымъ писателемъ, Антонъ Павловичъ написалъ пьесу, заглавіе которой я позабылъ. Кажется, продолженіе Суворинской „Татьяны Рѣпиной“. Къ сожалѣнію, у меня сохранились только четыре страницы печатнаго экземпляра этой пьесы. Она начинается такъ:

„Седьмой часъ вечера. Соборная церковь. Горятъ всѣ паникадила и ставники. Царскія врата открыты. Поютъ два хора: архіерейскій и соборный. Церковь полна народа. Тѣсно и душно. Идетъ вѣнчаніе. Вѣнчаются Собининъ и Оленина. У первого шаферами Котельниковъ и офицеръ Волгинъ, у второй—ея братъ студентъ и товарищъ прокурора. Вся мѣстная интеллигенція. Роскошные наряды. Вѣнчаютъ: о. Иванъ въ полинявшей камилавкѣ, о. Николай въ скуфейкѣ и лохматый, очень молодой еще о. Алексѣй въ темныхъ очкахъ; позади и нѣсколько вправо отъ о. Ивана—высокій тощій дьяконъ съ книгой. Въ толпѣ мѣстная труппа съ Матвѣевымъ во главѣ.

„О. Иванъ (*читаетъ*). Помяни Боже и воспитавшія ихъ родители“... и т. д., и т. д.

Далѣе изъ средины:

„Арх. хоръ (*поетъ*). Аминь.

„Патронниковъ. Душно! Это какой у васъ орденъ на шеѣ, Давидъ Соломоновичъ?

„Зонештейнъ. Бельгійски. И зачѣмъ такъ много народу? Кто пускалъ? Уфы! Русская баня!

„Патронниковъ. Полиція дрянная.

„Дьяконъ. Господу помолимся!“ и т. д.

Въ бумагахъ Антона Павловича вѣроятно имѣется полный экземпляръ этой единственной въ своемъ родѣ пьесы. Она напечатана; очень миниатюрнаго формата.

Антонъ Павловичъ былъ превосходный актеръ. Сколько знаю онь ни разу не участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ, но очень часто, чуть не каждый день, выступалъ у себя въ семьѣ, въ своихъ собственныхъ импровизаціяхъ. То онь читалъ лекцію и изображалъ при этомъ стараго профессора, то выступалъ въ роли зубного врача, то представлялъ аеонскаго монаха. Его первое произведеніе, напечатанное имъ въ „Стрекозѣ“ („Письмо къ ученому сосѣду“), составляетъ собою именно одну изъ его лекцій, которую онь въ лицахъ разыгрывалъ передъ нами. Аккуратно каждый вечеръ за ужиномъ, измѣнивъ голосъ и становясь совершенно неузнаваемымъ, онь рассказывалъ какую-нибудь смѣшную исторію, отъ которой у всѣхъ насъ начиналось колотье въ бокахъ. Очень смѣшно выходилъ у него экзаментъ на діакона. Антонъ Павловичъ изображалъ дьячка, а старшій братъ—архіерея. Вытянувъ шею, которая становилась отъ этого старчески-жилистой и, измѣнивъ до неузнаваемости выраженіе лица, Антонъ Павловичъ старческимъ, дребезжащимъ голосомъ, какъ настоящій деревенскій дьячокъ, долженъ былъ пропѣть передъ братомъ всѣ икосы, кондаки и богородичны на всѣ семь голосовъ, задыхался при этомъ отъ страха передъ архіереемъ, ошибался и въ концѣ-концовъ все-таки удостоивался архіерейской фразы:

— Во діаконѣхъ еси!

Гримировался Антонъ Павловичъ такъ, что его не узнавали

даже близкіе его родные. Разъ онь нарядился нищимъ и, написавъ просительное письмо, черезъ весь городъ, въ костюмѣ, отправился къ дядѣ и подалъ ему это письмо. Дядя не узнавъ его и подалъ ему три копейки. Вообще Ант. Павл. любилъ повеселиться и любилъ, когда веселились другіе. Если собирались ряженые, онь непременно помогалъ имъ тѣмъ или другимъ и наряжался и самъ. Уже въ Мелиховѣ, будучи больнымъ, онь помогалъ моей женѣ нарядиться хулиганомъ и самъ написалъ для нея просительное письмо слѣдующаго содержанія (правописание подлинника): „Ваше Высокоблагородіе! Будучи преследуемъ въ жизни многочисленными врагами и пострадалъ за правду, потерялъ мѣсто, а такъ-же жена моя больна чревовещаніемъ, а на детяхъ сыпь, потому покорнейше прошу пожаловать мнѣ отъ щедротъ вашихъ кельяшность благородному человѣку. Василій Спиридоновъ Сволачевъ“.

Антонъ Павл. не питалъ никакой привязанности къ врачебной практикѣ. Окончивъ курсъ въ университетѣ, онь повѣсилъ на дверяхъ вывѣску „Докторъ А. П. Чеховъ“ и, повидимому, твердо рѣшилъ быть врачомъ. Но его первые шаги въ этомъ направленіи, сколько помню, не были удачны. Практика его началась за тридевять земель отъ его квартиры, въ Лесфортовѣ, у учителя кадетскаго корпуса, и здѣсь на первыхъ же порахъ братъ написалъ нѣвѣрный рецептъ. Возвратившись домой, онь провѣрилъ себя, убѣдился въ своей ошибкѣ и мучился ужасно. Кончилъ онь тѣмъ, что въ полночь, захвативъ меня съ собой, онь на послѣдніа деньги нанялъ у гостиницы „Саратовъ“ лихача и помычался снова въ кадетскій корпусъ, чтобы взять обратно несчастный рецептъ. Къ его удивленію, въ аптеку еще не посылали.

— Ты знаешь,—показывалъ онь мнѣ этотъ рецептъ.—Запаятую въ граммахъ не тамъ поставилъ. Вотъ вышла бы катавасія!

И это, кажется, былъ нашъ единственный въ жизни случай, когда мы мчались на лихачѣ.

Въ другой разъ Антону П.—чу пришлось лѣчить семейство Я. на Zubовскомъ бульварѣ. Лѣчилъ онь тамъ что-то мѣсяца полтора или даже больше, такъ какъ послѣдовательно тамъ заболѣли тифомъ мать и три взрослые дочери подъ рядъ. Мать умерла, одна изъ дѣвушекъ тоже умерла, но кончина ея была слишкомъ трогательна. Она схватила Ант. П.—ча за руку, да такъ и умерла, держа его руку въ своей. На писателя это произвело такое сильное впечатлѣніе, что вывѣска была снята съ двери и больше ужъ на ней не появлялась никогда. При этомъ, кажется, Антонъ П.—чъ былъ немножко мнительнъ. У меня сохранилось его письмо отъ 10 марта 1887 г., когда была большая эпидемія тифа въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Въ этомъ письмѣ есть такая фраза: «Бхаль я, понятно, въ самомъ напряженномъ состояніи. Снились мнѣ гробы и факельщики, мерещились тифы, доктора и проч. Вообще ночь была полная...» Письмо это онь

заканчивает фразой: «Мнѣ страшно». А вотъ еще одинъ изъ случаевъ изъ его практики. Мы жили въ Бабкинѣ. Уже совсѣмъ подь вечеръ къ намъ прѣхалъ какой-то мужиченко на простой телѣгѣ и сталъ просить Антона П—ча поѣхать немедленно въ с. Карцево, чтобы подать помощь его женѣ, съ которой «что-то случилось». Антонъ П—чъ захватилъ меня съ собой, и мы поѣхали. По возмутительной дорогѣ ѣхали верстъ десять въ одинъ конецъ въ мужицкой телѣгѣ, молнія разсѣкала небо, громъ прямо-таки оглушалъ и мы впервые въ жизни увидали прыгающіе болотные огоньки. Даже страшно сдѣлалось. А когда прѣхали, то столкнулись съ женщиной, бывшей въ горячечномъ бреду отъ гнилостного зараженія. Темно, душно, гудятъ мухи и больная смотритъ дикими оловянными бѣлками и что-то бормочетъ, и кажется, что вотъ-вотъ домъ расколется пополамъ отъ ударовъ грома. Въ результатѣ—опять десять верстъ домой въ той же телѣгѣ и по той же возмутительной дорогѣ. Стоило ли городить огородъ?

Антонъ Павл. не былъ врачомъ-практикомъ, но судя по тому, какъ онъ интересовался юридическими науками и какъ отлично зналъ всѣ права, изъ него вышелъ бы превосходный юристъ. Адвокатура была для него одной изъ завидныхъ профессій и онъ долго не прощалъ мнѣ того, что по окончаніи юридическаго факультета я не пошелъ сразу въ адвокаты. «Будь адвокатомъ», часто онъ мнѣ писалъ и говорилъ. Его «Островъ Сахалинъ», которому онъ придавалъ значеніе диссертации,—произведеніе скорѣе юриста, чѣмъ врача.

Но если Антону П—чу не нравилась врачебная практика, то и занятія литературой его вначалѣ пугали неизвѣстностью будущаго («я хандрилъ, ибо страшился безденежнаго будущаго»). И только со времени первой поѣздки въ Петербургъ онъ сталъ твердо вѣрить въ свое литературное призваніе. Въ Петербургъ онъ поѣхалъ не сразу, какъ это дѣлаютъ теперь молодые писатели, а уже довольно поработавъ въ московскихъ изданіяхъ, гдѣ ему буквально платили гроши. За свой романъ «Драма на охотѣ», помѣщенный имъ въ «Новостяхъ Дня», который тогда еле-еле скрипѣли, онъ получалъ всего только по 3 рубля въ недѣлю. Я тогда былъ студентомъ и ходилъ по редакціямъ за гонораромъ, на что и имѣлъ отъ Антона Павловича удостовѣреніе слѣдующаго содержания: «Медицинское свидѣтельство. Дано сіе студенту Императорскаго Московскаго университета Михаилу Павловичу Чехову, православнаго вѣроисповѣданія, въ удостовѣреніе, что онъ состоитъ съ 1865 года моимъ роднымъ братомъ и уполномоченъ мною брать въ редакціяхъ, въ коихъ я работаю, денегъ, сколько ему потребно, что подписомъ и приложеніемъ печати удостовѣряю. Врачъ А. П. Чеховъ. Москва 1886 г. Января 15-го дня. На свидѣтельствѣ этомъ наварена сургучная печать.

Бывало, придешь съ этимъ документомъ въ «Новости Дня»

за полученіемъ 3-хъ рублей и ждешь-ждешь, когда газетчики принесутъ выручку... Сидятъ сотрудники... Тутъ же дѣвочка разуливаетъ гаммы на рояль. И почему-то ужасно хочется чаю.

— Чего вы ждете?—спроситъ наконецъ издатель, которому станетъ жалко ожидающихъ.

— Да вотъ получить три рубля...

— У меня ихъ нѣтъ... Гдѣ же я ихъ возьму? Можетъ быть, вы билетъ въ театръ хотите? Или брюки новые? Такъ сходите, къ портному такому-то и возьмите у него брюки за мой счетъ!

И у него дѣйствительно не было денегъ. И нужно только удивляться, на какой тонкой ниточкѣ держалось тогда журнально-газетное дѣло въ Россіи!

Въ то время Антонъ Павл. работалъ въ «Будильникѣ», «Новостяхъ Дня», «Москвѣ» и «Свѣтѣ и Тѣняхъ». Два послѣдніе журнала, впрочемъ, скоро прекратились. Работа въ этихъ органахъ сблизила его съ поэтомъ Пальминимъ. Это былъ горькій пьяница и жилъ съ дамой, которую Антонъ Павлов. прозвалъ фефелой. Фефела очень пила и, чтобы лишній разъ выпить, всякій разъ обращалась къ Пальмину съ фразой:

— Людоръ Ивановичъ, вамъ не пора пиво пить?

Пальминъ писалъ стихи въ «Осколкахъ» и былъ пріятелемъ Н. А. Лейкина.

Однажды Лейкинъ прѣхалъ въ Москву и, вытащивъ Пальмина изъ его берлоги, повезъ его провѣтриться. Когда они ѣхали по Тверской, то имъ навстрѣчу попался шедшій по тротуару молодой человѣкъ съ длинными волосами.

— Вы знаете, кто это?—спросилъ Лейкина Пальминъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Лейкинъ.

— Это Чеховъ! Вотъ человѣкъ, котораго слѣдовало бы пригласить въ «Осколки».

Разговоръ этотъ записанъ самимъ Лейкинымъ въ памятную книжку Антона Павловича и, дѣйствительно, представляетъ собою эпоху въ литературной дѣятельности Чехова. И я вполне понимаю Н. А. Лейкина, когда встрѣтившись со мною какъ-то въ «Медвѣдѣ», онъ прослезился и, ударивъ себя кулакомъ въ грудь, сказалъ:

— Я Чехова родилъ!

Какъ бы то ни было, а именно благодаря описанной встрѣчѣ на Тверской, Лейкинъ пригласилъ Чехова въ «Осколки» и съ этого момента вся литературная дѣятельность писателя стала переходить изъ Москвы въ Петербургъ. Вслѣдъ за Лейкинымъ Антона П—ча приглашаютъ сотрудничать въ «Петербургской Газетѣ» и именно здѣсь онъ помѣщаетъ лучшіе изъ мелкихъ своихъ рассказовъ. Рассказы эти обращаютъ на него вниманіе. Д. В. Григоровича и Антонъ П—чъ начинаетъ сотрудничать въ «Новомъ Времени», гдѣ Григоровичъ былъ своимъ человѣкомъ. Такимъ образомъ съ Петербургомъ у Антона П—ча завязываются литературныя связи и онъ собирается наконецъ туда самъ.

Петербургъ производитъ на него ошеломляющее впечатлѣніе. Вотъ что писалъ онъ мнѣ отсюда въ одномъ изъ своихъ писемъ того времени: «Питеръ великолѣпенъ. Я чувствую себя на седьмомъ небѣ. Улицы, извозчики, провізія—все это отлично, а умныхъ и порядочныхъ людей столько, что хоть выбирай. Каждый день знакомлюсь. Вчера, напр., съ 10¹/₂ часовъ утра до трехъ я сидѣлъ у Михайловскаго въ компаніи Глѣба Успенскаго и Короленка: ѣли, пили и дружески болтали. Ежедневно выдаюся съ Суворинимъ, Буренинымъ и проч. Всѣ наперерывъ приглашаютъ меня и курятъ мнѣ оиміамъ. Я за три дня пополнилъ. Какъ я жалѣю, что не могу всегда жить здѣсь! Воспоминаніе о предстоящемъ возвращеніи въ Москву, кишащую NN и ZZ, портитъ мнѣ кровь. Знакомлюсь съ дамами. Получилъ отъ нѣкоторыхъ приглашенія. Пойду, хотя въ каждой фразѣ ихъ хваленныхъ рѣчей слышится психопатія.» И далѣе: «Предубѣжденіе къ Петербургу—вещь довольно не похвальная въ интеллигентномъ человѣкѣ».

Въ Петербургѣ у Антона П—ча завязалось близкое знакомство съ Григоровичемъ, Плещеевымъ, Полонскимъ, Лѣсковымъ. Григоровичъ сталъ наѣзжать къ Антону П—чу въ Москву, а Плещеевъ даже много времени гостилъ. Интересно знакомство Антона П—ча съ Полонскимъ.

Кто-то изъ литераторовъ пришелъ къ Антону П—чу и сказалъ ему, что Полонскій желаетъ съ нимъ познакомиться и просить его пожаловать къ себѣ. Антонъ П—чъ собрался, и оба тотчасъ же отправились къ Полонскому. Литераторъ представилъ его. Къ удивленію Антона Павловича, Полонскій такъ сурово принялъ его, что никакъ нельзя было даже и предполагать, что старикъ желалъ съ нимъ встрѣчи и даже самъ посылалъ за нимъ.

— Смотрѣть не хочетъ,—разсказывалъ мнѣ братъ,—брюзжить, стучить костылемъ... Вотъ, думаю, невѣжа! И это послѣ столькихъ-то изумительныхъ писемъ!

Наконецъ, когда сидѣть больше было уже невмоготу, братъ поднялся и простился съ Полонскимъ. Полонскій взялъ костыль и нехотя, изъ вѣжливости, пошелъ провожать его въ прихожую.

— Да вы чѣмъ собственно занимаетесь, г. Чубиковъ? обратился къ Антону П—чу Полонскій, когда тотъ былъ уже въ пальто.

— Я не Чубиковъ, а Чеховъ,—отвѣтилъ братъ.

— Какъ?!

— Чеховъ...

— Ахъ я дуракъ!!—И Полонскій хлопнулъ себя по лбу.—Не разслышалъ вашей фамиліи! Слышу что-то въ родѣ «чу», «чо»...

И брату пришлось раздѣться снова, снова войти въ кабинетъ и уже на этотъ разъ провести интересный вечеръ.

А. Н. Плещеевъ прожилъ у Антона П—ча почти цѣлый мѣ-

сяць въ 1888 году, когда всѣ мы жили въ Малороссіи въ усадьбѣ Линтваревыхъ «Лука». Это былъ уже тогда дряхлый старецъ, шамкавшій слова. Но отъ всей его фигуры вѣяло какимъ-то обаяніемъ, что-то съ перваго взгляда приковывало всѣхъ къ нему. Барышни такъ прямо увлекались имъ.

Для Алексѣя Николаевича у насъ была отведена отдѣльная комната, очень бѣдно обставленная, но онъ былъ такъ милъ, что этого не замѣчалъ. Сочинялъ онъ вслухъ. Бывало, слышишь, что въ его комнатѣ кто-то кричитъ или зоветъ на помощь. Испугаешься и заглянешь къ нему въ дверь.

— Алексѣй Николаевичъ, вамъ чего?—спросишь его.

— А?—удивится вдругъ А. Н. и мило, по-старчески, улыбнется.

Къ Плещееву Антонъ Павл. относился съ глубокимъ уваженіемъ, дорожилъ его мнѣніемъ, но каждую минуту боялся за его здоровье. А. Н. очень любилъ мучное, а наша мать любила обкармливать, и то и дѣло Антону Павловичу приходилось быть врачомъ, чего, сколько знаю, онъ не любилъ.

Но старики-писатели вскорѣ поумирали, братъ очень извѣрился въ своихъ петербургскихъ знакомыхъ и сразу охладѣлъ къ Петербургу. Такой-то сталъ лживъ, писалъ онъ мнѣ, такой-то хитеръ, такіе-то ничтожные люди во всѣхъ смыслахъ, а такой-то былъ хорошъ, да умеръ. И по мѣрѣ того, какъ онъ старѣлъ самъ и какъ ближе знакомился въ Мелиховѣ съ жизнью, Петербургъ все болѣе и болѣе сталъ казаться ему празднымъ, холоднымъ, эгоистичнымъ. Зато Москва—онъ любилъ ее, какъ настоящій москвичъ. Онъ любилъ ея людей, ея климатъ, звонъ. Бывало, онъ соберетъ цѣлую компанію и отправляется съ нею пѣшкомъ на Каменный мостъ слушать пасхальный звонъ. Жадно выслушавъ его, онъ отправлялся затѣмъ бродить по церквамъ, изъ церкви въ церковь, и съ одеревенѣвшими отъ усталости ногами только къ концу пасхальной ночи приходилъ домой. Въ это время изъ приходской церкви уже возвращался любившій достоять всѣ службы до конца отецъ, мы всѣ хоромъ пѣли «Христосъ Воскресе» (Антонъ Павловичъ басомъ) и сиделись разговядаться. Антонъ П—чъ выпивалъ рюмочки 3—4 водочки и шутилъ. Я не помню, чтобы Антонъ П—чъ хоть разъ, даже въ Мелиховѣ, провелъ пасхальную ночь въ постели.

Jules Legras въ своей книгѣ «Au pays Russe» такъ характеризуетъ Антона Павловича: «Вотъ наконецъ и усадьба Мелихово. Мнѣ указываютъ на большое мѣсто, окруженное берегами; я вхожу туда и, проблуждавъ по скотному двору, гдѣ цѣлый легионъ собакъ хватаетъ меня прямо за брюки, вижу наконецъ домикъ, гдѣ обитаетъ самъ хозяинъ имѣнія. Онъ выходитъ ко мнѣ свой широкой и какъ бы нетвердой походкой, въ сопровожденіи двухъ такъ-ся, церемонныхъ и смѣшныхъ. Это человѣкъ нѣсколько болѣе 30-ти лѣтъ, высокой, худощавый, съ яснымъ лбомъ и длинными волосами, которые онъ отбрасываетъ машинальнымъ движеніемъ пальцевъ назадъ, съ прямыми, испы-

тующимъ взглядомъ, то простодушнымъ, то не безъ хитрецы. Его первая встрѣча немножко холодна, но непринужденна: очевидно, онъ изучаетъ того, съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло, и чувствуетъ, что и я его тоже изучаю. Но вотъ первый шагъ уже сдѣланъ и разговоръ между нами начинается... «Въ другой разъ», пишетъ далѣе Жюль Легра,—«я нашелъ въ немъ что-то до такой степени притягательное, что видаться съ нимъ стало для меня уже потребностью».

Сколько знаю брата, это одна изъ лучшихъ его характеристикъ. Дѣйствительно, нѣсколько замкнутый при первой встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ, онъ затѣмъ обнажалъ въ себѣ всегда что-то такое, что навѣки привязывало къ нему людей. Впрочемъ, объ этомъ писалось уже не разъ.

М. Тиховъ
